

ЮРИЙ
ПИМЕНОВ

*Непридуманные
истории*

Татьяна Пименова благодарит за помощь в подготовке издания Ксению Пименову, Юрия и Евгению Ганьшиных, Сергея Трубникова

Издатели выражают признательность Михаилу Пименову, а также музеям и галереям за предоставленные изображения:
Государственной Третьяковской галерее, Москва
Государственному Русскому музею, Санкт-Петербург
Государственному центральному театральному музею имени А. А. Бахрушина, Москва
Киевской картинной галерее
Музею изобразительных искусств, Комсомольск-на-Амуре
Национальному музею Таджикистана, Душанбе
Пермской государственной художественной галерее

Содержание

- 6 *Юрий Пименов*
Автобиография

- 14 *Татьяна Пименова*
Моему отцу с любовью

- 90 *Ираклий Андроников*
Письмо Юрию Пименову

- 100 *Юлий Вечерский*
Уроки Пименова

- 118 *Мария Кнебель*
Юрий Пименов

- 184 Альбом

Юрий Пименов

АВТОБИОГРАФИЯ

Я родился в 1903 году в Москве. Учась в гимназии, я с двенадцати лет начал ходить в воскресную школу рисования и живописи. Честно рисовал гипсы. Художником решил стать обязательно.

В 1920 году поступил во Вхутемас. Работал у Малютина и Шемякина. Потом перешел на графический факультет, работал у Фалилеева, затем у Фаворского, у которого и проучился несколько лет, до 1925 года. Вхутемас тех лет было шумное училище. Чему и кто там только не учил! Дома я рисовал пейзажи и срисовывал с открыток Серова, Сомова. Но тут это оказалось явно неподходящим.

В 1924 году вхутемасовская молодежь устроила выставку под названием «1-я дискуссионная выставка объединений активного революционного искусства». Я тоже выставлялся там в «группе трех» — с Гончаровым и Дейнекой. Это была моя первая выставка.

В 1925 году было организовано общество ОСТ, где я был одним из членов-учредителей. Футбол, бокс, заводская архитектура, подъемные краны — все новейшее, наисовременное было страстью моей и многих моих товарищей. Это было увлечение новым, увлечение в наивных и детских формах.

В эти годы (1925–1930) я выставлялся на выставках ОСТ и на многих выставках в СССР и за границей. В 1928 году был командирован Наркомпросом в заграничную поездку. Много работал в журналах. Рисовал и писал металлургические и цементные заводы, текстильные фабрики, спортивные сцены, молочные фермы, уличные сцены. Очень спешил все сделать, но жизнь изображаемого знал поверхностно, получались не люди и вещи, а знаки вычурно приблизительные, с ассортиментом готовых жестов.

В 1931 году я был болен и больше года не работал совершенно. К концу болезни и после я много ходил по Москве и ее окрестностям. Ходил не спеша и с интересом. Внимательно вглядывался в окружающую жизнь, теплую, страстную и очень живую. И иначе старался ее изображать.

1931–1935 годы — годы увлечения В. Серовым и Мане. Я писал тогда женские портреты, купальщиц, обнаженную натуру, летние пейзажи.

Примерно с 1935–1936 годов для меня определились темы, ставшие любимыми на последующие годы работы. Эти темы: городская жизнь, Москва, которую я знаю с детства и очень люблю, и темы о женщинах и детях.

Я написал картины: «Новая Москва», «Делегатка», «Магазин», «Московское кафе»... Это была веселая, нарядная довоенная Москва.

В Великую Отечественную войну я писал Москву военных дней — суровую и гордую, небо с пробегающими лучами прожекторов, дежурных на замороженных крышах в часы ночных тревог, женщин на огородах окраин, сажающих и собирающих картофель, дороги, уходящие на фронт. Я был командирован как художник на Северо-Западный фронт и написал ряд картин о войне и восстановлении: серию картин и рисунков о военной Москве, картины «Фронтальная дорога», «Весна», «Восстановление Ленинграда», «Грачи», «Осенняя станция», «Проводы», серию фронтовых картин и рисунков и много маленьких жанровых картин.

Кроме работы в станковой живописи, я иллюстрировал детские книги (Маршак, Маяковский, Михалков), писал панно

Татяна Пименова

МОЕМУ ОТЦУ С ЛЮБОВЬЮ

Когда-то очень давно у нас с моим отцом состоялся такой разговор: «Ты напишешь обо мне книгу?» — спросил он.

Вопрос был чуть шутливый и ироничный, но было в нем что-то чуть больше шутки и иронии. Мы оба тогда читали воспоминания Ренуара-сына, знаменитого режиссера, о его отце, еще более знаменитом художнике.

«Вот стану режиссером и напишу», — отвечала я, студентка режиссерского факультета ВГИКа, со всей наглостью и самонадеянностью, свойственной молодым людям, у которых впереди прямой ясный путь и масса времени.

Потом была длинная жизнь, дети, работа, перестройка, девяностые годы, и хотя я не стала знаменитым режиссером, я начала эту книгу. Потому что многие вещи кроме меня уже некому рассказать, и еще потому, что среди многих людей, с которыми я сталкивалась, не было ни одного равного моему отцу по широте души, легкости, простоте, чудесной детской ясности, которые, наверно, и есть свойства большого художника. Сегодня, оглядываясь назад, я понимаю, что родилась и жила в удивительной семье, рядом с необыкновенными людьми. Может быть, мои записи смогут в какой-то мере выразить им мою благодарность, мое восхищение и мою любовь.

Мой отец Юрий* Иванович Пименов родился 26 ноября 1903 года в Москве в Замоскворечье в семье помощника присяжного поверенного Ивана Васильевича Пименова.

Дед и бабушка моего отца по отцовской линии были петербуржцы, но дед Василий Пименов умер рано, его вдова Капитолина

Ивановна с маленьким сыном Ваней переехала в Москву и вторично вышла замуж за Николая Лебедева.

О петербургских предках и родне ничего не известно, но вполне возможно, что скульптор Степан Пименов, его сын Николай Пименов, тоже скульптор, могли быть связаны с Василием Пименовым каким-то родством: в семье любили рукотворные вещи, понимали в них толк, умели их делать. Гобелены моей прабабушки Капитолины Ивановны и чеканные шкатулки деда Ивана Васильевича до сих пор хранятся у нас в доме.

О родных матери моего отца, Клавдии Михайловны, в девичестве Бабаниной, известно много больше. Ее отец, почетный московский гражданин, староста церкви Параскевы Пятницы, купец первой гильдии Михаил Иванович Бабанин приехал в Москву из Переславля-Залесского. Домашняя легенда гласит, что фамилия Бабанин дана Иваном Грозным татарину, который клялся царю в верности. На вопрос: «Кто твоя жена?» он ответил: «Баба Нина». «Ну, быть тебе Бабаниным», — решил царь.

Михаил Иванович Бабанин женился на девушке из села Мягкое Тульской губернии, Прасковье Фёдоровне Самолиной. Жили они на Пятницкой, в небольшом собственном доме. Рядом стоял огромный жилой дом с купольной ротондой, который так и назывался «домом Бабаниных». Квартиры в этом доме сдавались,

ТАТЬЯНА ПИМЕНОВА. МОЕМУ ОТЦУ С ЛЮБОВЬЮ

Наконец я все-таки разделся и лег. Пора спать. Спокойной ночи. Ужасно хочется домой. Как живешь? Слушай, как же ты поживаешь? Как делишки? Папа».

Я позволила себе напечатать оба эти письма, так как мне кажется, что одно без другого может быть не понятно. И хотя в них нет ни описания реальных событий, ни каких-то бытовых подробностей, в них есть более важное — наш способ общения.

Отец умер в ночь на шестое сентября 1977 года, придя из мастерской, где проработал весь день. А через пять месяцев умерла мама, как будто потеряв смысл существования в этом мире без него.

А я осталась жить, работать, воспитывать моих детей, стараясь передать им то настоящее, честное, доброе, что было в моей семье, надеясь, что и в них живет творческое начало и оптимизм, которых так много было в характере моего отца.

*Юрий Пименов с дочерью Татьяной
Фото, начало 1970-х*

Ираклий Андроников

ПИСЬМО
ЮРИЮ
ПИМЕНОВУ

Дорогой Юрий Иванович, пишу под впечатлением от Вашей выставки. Хотел оставить несколько слов в книге отзывов, но возле стояла такая длинная очередь жаждущих высказаться и почитать, что там пишут, что я решил обратиться к Вам с этим посланием.

Во всем, чего бы Вы ни касались, Вы проявляете тончайшее остроумие: не в смысле смешного (хотя и такой аспект остроумия присущ Вам в высокой степени), а в смысле неожиданной остроты видения, великолепной изобретательности. Как опытный рассказчик развивает повествование, не сразу раскрывая сюжетный секрет, а заставляя читателя вникать в ход событий постепенно, с тем чтобы интерес нарастал, так и Вы, деталь за деталью Вы раскрываете существо Вашей вещи, «эшелонируя» рассматривание, давая зрителю возможность, всмотревшись, добраться до сути Вашего — всегда поэтического — секрета. В этом смысле одна из самых показательных вещей — «В день золотой свадьбы», где на первом плане серебряные горлышки бутылок и великолепные гладиолусы, а сзади, на стенке, в полутьме фотографии — словно невзначай изображенная пара, в молодости и в старости. И потому, что они, как можно судить по фото, люди рабочие, прожившие большую и сложную жизнь, праздничный стол символизирует не только их нынешний уровень жизни, но обретает такой глубокий социальный и исторический смысл, что вещь — на первый взгляд натюрморт — оказывается повестью о людях, о времени, о судьбе. И хорошо, что тема запрятана, что до нее нужно добираться, что она «не торчит», что настоящая тема — метафора: «золотая» потому, что богатая, щедрая. И потому, что ценная, добытая трудами всей жизни. И потому, что прожито вместе пятьдесят лет.

Потому, наконец, что это не просто цветы и бутылки, а нечто очень глубокое по содержанию и по выражению, — все это заставляет долго смотреть и долго думать. И отходишь от стены с тем сложным чувством, с каким закрываешь томик хороших стихов: внешнюю фабулу стихотворения понял, внутренний строй прочувствовал, но не до конца осознал. И уносишь его в памяти, как богатство, которое не успел исчерпать до конца. А разве для того, чтобы напиться, надобно выкачать из колодца всю влагу?

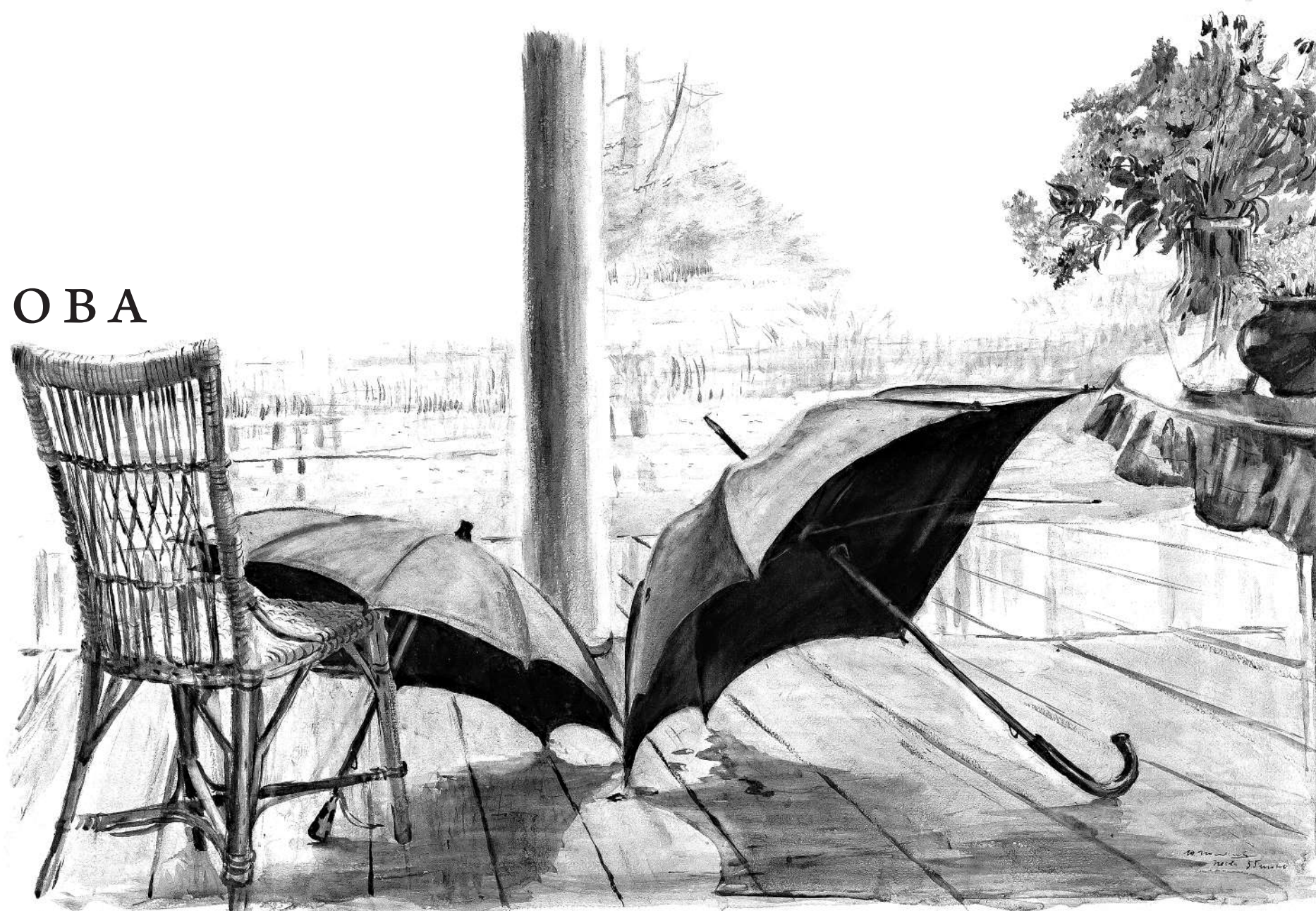
Это вовсе не значит, что «Золотая свадьба» понравилась мне больше всего, — просто очень удобный пример. «Между работой и театром», — где о девушке говорят ее вещи, — сюжет не менее значительный и не менее выразительно воплощенный. И у Вас десятки таких умных, многозначительных и тонких работ. В области натюрморта Вы производите какой-то очень важный, принципиальный, сдвиг. Не потому, что вещи прежде не выражали людей! Выражали. Выражали художника прежде всего! Но Вы вносите в это дело сюжет, динамическое начало, тогда как натюрморт — вещь статическая.

Умение передать большое в малом, общее посредством частного, с великолепным умением обобщить каждую частность, составляет одну из наисильнейших сторон Вашего дарования. «Следы шин» — об этом много и пишут и говорят. И все же это волнует каждый раз пронзительным изображением того, что казалось тебе только твоим интимным постижением жизни.

Мне нравится Ваше пристрастие к «вариациям». Различные воплощения одной и той же темы, столь великолепные в музыке, почему-то не так ощутительны в других искусствах (я не имею в виду однообразия, которое часто терзает наши глаза и уши!). Эта

Юлий Вечерский

УРОКИ ПИМЕНОВА

«Искусство всегда любовь,
любовь не всегда бывает удачной,
но всегда остается любовью».

Ю. И. Пименов

Писать о нем трудно. Не потому только, что естественно трудно писать о дорогом тебе человеке в прошедшем времени — «был». Трудно еще и потому, что, несмотря на очень многое написанное о нем (от первых рецензий 20-х годов до последних монографий), самое полное представление о характере Юрия Ивановича Пименова, человека и художника, о характере его работ (кроме самих работ, разумеется) дает написанное им самим.

И я могу только лишний раз рекомендовать читателю прекрасные книги Ю. И. Пименова «В Подмосковье», «Год путешествий», «Новые кварталы», «Необыкновенность обыкновенного». Название последней, как мне кажется, наиболее полно определяет характер всего творчества Юрия Ивановича.

Кажется, к этому уже нечего прибавить.

Но писать о нем, я уверен, будут еще долго. Ибо работы его будут еще очень долго вызывать такое разнообразие личностных ассоциаций, новых чувств, что они естественно и органично будут требовать своего определения.

Я был студентом Ю. И. Пименова, его учеником. Пришел по его рекомендации в творческую мастерскую Академии художеств и вступал в Союз художников.

И теперь, когда Юрия Ивановича больше нет с нами, сознание того, что я знаю и помню что-то связанное с работой и жизнью большого художника и прекрасного человека и сказанное им мне одному может быть интересным и для других, подвигает меня сейчас преодолевать свое косноязычие.

Для моих сверстников (я уж не говорю о тех, кто моложе) привычное ощущение того, что Пименов был всегда, не дает исчезнуть ощущению, что он всегда и будет. И то, что на выставках уже после его смерти появляются новые вещи Юрия Ивановича, не показанные при жизни, словно утверждает нас в этом ощущении еще больше.

В самом деле, еще в дошкольном, довоенном нашем детстве были книжки Маяковского и Маршака с иллюстрациями Пименова.

«Новая Москва», смотревшая на нас со всех своих бесчисленных воспроизведений, с календарей и обложек, с витрин книжных магазинов, настолько вошла в наш быт, что, кажется, почти перестала восприниматься как работа конкретного автора, а кажется неотъемлемой и органичной частью самой жизни. И Москву уже невозможно стало себе представить без «Новой Москвы».

Помню первое появление серии больших рисунков Юрия Ивановича о Подмосковье, сделанных углем и черной акварелью и показанных на графической выставке на Кузнецком мосту в начале пятидесятых годов.

Помню даже место, где они висели, — над сценой, в центре зала. Эти рисунки до сих пор кажутся мне одними из лучших из всего большого и разнообразного творчества Пименова. Воспроизведения

Мария Кнебель

ЮРИЙ
ПИМЕНОВ

Пименов — художник, чье видение мира и искусства необычайно близко мне. Его реализм основывался на глубокой и поэтической любви к современной жизни. Пишет ли он женщин на уборке картошки, работниц, моющих окна в новых домах, старую француженку, торгующую газетами, или девушку в греческом кафе — всюду он художник, который верит в жизнь и утверждает человеческое, сердечное искусство. Искусство Пименова дорого мне потому, что оно абсолютно искренне. Все, что он делал, было исполнено ясности мысли, лиризма, простоты. Простота эта — результат громадной творческой напряженности, о которой Федотов когда-то сказал: «Ты делай раз по сто, вот и будет просто». Я не знала более трудолюбивого человека, чем Пименов. Он работал всегда, где бы ни был, — дома, в мастерской, в поезде, в трамвае, в машине, в самолете...

Мы как-то сразу сдружились. Мне нравилось в нем все. И острый ум, и доброта, и широкий круг интересов. Искусство, природа, стихи — на все у него хватало энергии и любопытства. Творческий контакт у нас установился легко и прочно.

Он работал в театре как-то шутя. Ему, привыкшему к кропотливому труду станковиста, было весело размышлять над образом спектакля. Он не раз создавал замечательные декорации, но, по-моему, до конца жизни не считал эту работу вполне серьезной. В театре он отдыхал. Поддерживала такое состояние и дружба с режиссерами. Пименов очень хорошо относился к Терешковичу, потом подружился со мной, потом с Андреем Дмитриевичем Поповым. Мы встречались, спорили об искусстве, смеялись или расстраивались вместе, независимо от того, работали ли в данный момент над спектаклем, или

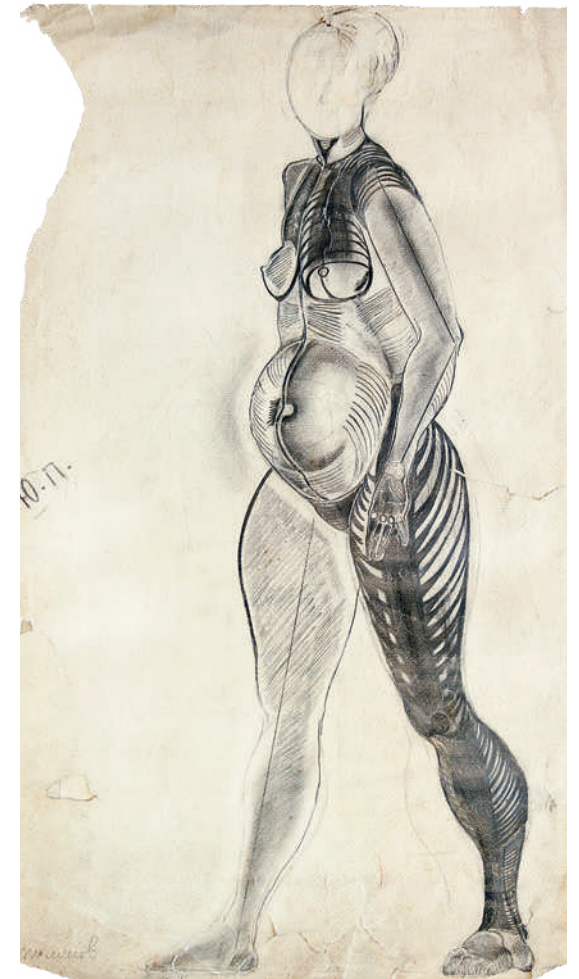
нет. (Каждая картина и рисунок Пименова были мне интересны, и знаю — все, что я делала и чем жила, также интересовало его). Степень художественной самостоятельности, которую Юрий Иванович вносил в работу, была очень велика, но всегда рождалась из живейшего понимания того, с кем он работал. Художественный строй пименовских декораций был синтезом наших совместных исканий и всегда обогащал режиссерский замысел. Порой приходилось крепко ломать голову, приспособляясь к интересно решенному им пространству, хотелось, чтобы актеры нашли то эмоциональное состояние, которое Пименов умел так точно задать. Это всегда было интересно — идти с ним в ногу.

Первой нашей общей работой была постановка «Искусство интриги» Э. Скриба. Постановщиком спектакля был М. А. Терешкович, режиссером — я. Первоначальный замысел Терешковича — поставить сатирический спектакль — видоизменился в ходе работы, и большую роль в этом сыграл Пименов. Он внес в спектакль ироническую ноту. Декорации к «Искусству интриги» были легки, остроумны, красивы.

Мужской портрет.
1923. Бумага, тушь,
перо, кисть. 25 × 21
Частное собрание

Шагающая обнаженная.
Начало 1920-х.
Бумага, графитный
карандаш. 52,6 × 31
Частное собрание

В гостях. 1935.
Холст, масло. 53 × 73
Собрание Михаила Пименова

Портрет Константина Ивановича
Логинова. 1934. Бумага,
карандаш, белила. 28 × 21
Собрание Татьяны Пименовой

Иван Васильевич Пименов
и Константин Иванович Логинов
за дружеским чаепитием. Фото, 1930

Следы шин. 1944.
Картон, масло. 27 × 49,5
Государственная
Третьяковская галерея

Ужасы войны. 1940-е.
Картон, масло
Собрание Михаила Пименова

Рубит дрова. 1945.
Картон, масло. 26 × 32
Частное собрание

Колка дров. 1945.
Фанера, масло. 50,5 × 62,3
Собрание Михаила Пименова

У постели больного ребенка. 1946.
Фанера, масло. 42 × 32,5
Собрание Михаила Пименова

Сажают картошку. 1943.
Холст, масло. 48 × 41
Собрание Михаила Пименова

Ожидание. Из серии «Вещи каждого дня». 1959. Холст, наклеенный на картон, масло. 40 × 60,5
Государственная Третьяковская галерея

Любительская закуска. 1956. Холст,
наклеенный на картон, масло. 48,5×40
Государственная Третьяковская галерея

Утренние покупки. 1951.
Холст, масло. 65×48,7
Государственная
Третьяковская галерея

Улица Сен-Доминик. Из серии
«Рассказы о простой Европе». 1958.
Холст, наклеенный на картон, масло. 35 × 45
Государственная Третьяковская галерея

Эскиз портрета семьи
Аванесовых. 1960-е.
Картон, масло
Частное собрание

Портрет Натальи Константиновны
Пименовой (жены художника).
1961. Холст, масло. 35 × 50
Собрание Татьяны Пименовой

Индия. 1962. Холст, масло.

49,5×39,5

Собрание Михаила Пименова

На предыдущем развороте:

Эскиз декорации к спектаклю

«Тот, кто получает пощечины»

по драме Л. Н. Андреева.

Центральный театр Советской

Армии. 1972. Холст, масло.

30,5×59,5

Частное собрание

Титульный лист к книге
Марии Кнебель «Вся жизнь». 1967.
Бумага, тушь, белила. 47×35
Собрание Михаила Пименова

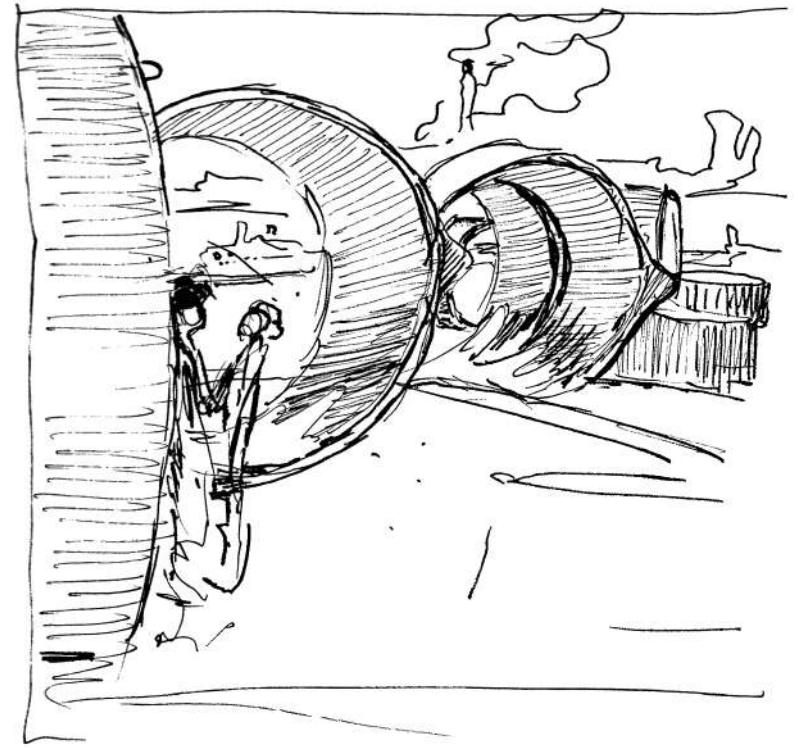

Портрет режиссера
М. О. Кнебель. 1969.
Холст, масло. 136×102
Государственный
центральный
театральный музей
имени А. А. Бахрушина

348

Серьезный разговор. 1975. Холст, масло.
54,5×54,5. Собрание Татьяны Пименовой

На набросках. Фото, 1960-е

349

Натюрморт с колбасой
и сыром. Из серии
«Вещи людей». 1974.
Картон, масло. 75×35,5
Собрание Михаила Пименова

Болгарский этюд. 1977.
Холст, масло. 50 × 40
Частное собрание

Токийское окно. 1975.
Холст, масло. 40 × 50
Пермская государственная
художественная галерея

УДК 7.071.1
ББК 85.103(2)6
Ю71

Юрий Пименов. Непридуманные истории. — Москва : Музей русского импрессионизма, Кучково поле Музеон, 2022. — 368 с. : ил.

ISBN 978-5-6046861-1-9 (Музей русского импрессионизма)

ISBN 978-5-907174-67-2 (Кучково поле Музеон)

Юрий Иванович Пименов (1903–1977) — ключевая фигура в истории русского искусства XX века. Выпускник Вхутемаса, приверженец эстетики немецкого экспрессионизма и активный член Общества станковистов в 1920-е годы, в 1930-х Пименов подвергается критике за формализм. Обратившись к традициям новой французской живописи, художник продолжает поиски и теперь собственную манеру определяет как «реалистический импрессионизм». Открыв новые сюжеты и темы, в 1960-е годы Пименов становится выразителем идей хрущевской оттепели и пластики советского модернизма.

В книге публикуется автобиография художника, воспоминания его дочери Татьяны Пименовой, письмо Ираклия Андронникова, мемуары Юлия Вечерского и режиссера Марии Кнебель, впервые издаваемые в полной авторской редакции. Тексты современников Юрия Пименова иллюстрируют малоизвестные наброски художника, а альбом в конце книги поможет широкому читателю создать представление об основных направлениях работы мастера в живописи и графике, театре и кино, книжном дизайне и скульптуре.

Редактор: Анна Петрова
Корректор: Наталия Яшина
Дизайн-макет: Даниил Бондаренко
Верстка: Александра Корсакова
Цветокоррекция: Игорь Кочергин
Подготовка к печати: Марина Миллер

- © Авторы, тексты
- © Музеи, наследники, правообладатели, изображения
- © Музей русского импрессионизма, издание, 2022
- © ООО «Кучково поле Музеон», оригинал-макет, издание, 2022

Подписано в печать 11.11.2021

Формат 160 × 195 мм

Тираж 1000 экз.

Заказ № 129876

Музей русского импрессионизма
125040, Москва, Ленинградский
проспект, д. 15, стр. 11
Тел.: +7 495 145 75 55
www.rusimp.org

#rusimp
Facebook: @rusimp.su
Instagram: @rusimp_museum
Telegram: @rusimp_museum
VK: @rusimp_su

ООО «Кучково поле Музеон»
123376, Москва, ул. Красная Пресня,
д. 28, стр. 2, оф. 307
Тел.: +7 499 253 90 01, +7 977 331 71 10
E-mail: sales@svyazepoh.ru

Отпечатано в типографии
SIA «PNB Print», Латвия
www.pnbprint.eu

